

Автор - Ланин Александр, Франкфурт-на-Майне (Германия). Имя автора конкурсной подборки было оглашено в Итоговом протоколе Международного литературного конкурса "10-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2021" 6 июня 2021 года в 23:59 по Москве.

Гуррагча

С дарёным палёным iMac-ом,
В скафандре с чужого плеча
Летит над родимым аймаком,
Жугдэрдэмидийн Гуррагча.

Не первый. И даже не сотый
В хвалёном небесном ряду.
Герой безнадёжного сорта.
Пастух, оседлавший звезду.

Гагарин божественно вечен -
Он "всехний", а значит ничей.

И палят Гагарину свечи
Забывшие про Гуррагчей.
Молитвою мультимедийной
Он пастве сияет в ночи.

А имя Жугдэрдэмидийна
Длиннее церковной свечи.
О нём не напишет баллады
Поэт на двенадцатый день.

А впрочем, ему и не надо -
Он просто летал на звезде.

Ленинградская соната

Бетховену всегда удавалась кода.
Диссонансы рвали наполненный венский зал...

Девятого августа сорок второго года
Война уже прикрывала свои глаза.
Войне казалось: можно уже забыться,
Заслушать взрывы парой-другой сюит.

Ну это ж надо было с зимой забыться
На то, что город всё-таки устоит.

Бетховен звонка не слышал. А что такого,
Когда ты глух, и занят, и Lebewohl.
И гость со странным именем - Шостакович,
С визиткой на до-мажор вместо ми-бемоль.
Потом жалели, что не осталось фото,
Где оба фак показывают войне.

Соната двадцать шесть для пианофорте
На фортепиано была бы чуть-чуть слышней.

Война понимала: эти б смогли сыгаться,
И не для того, чтобы шкуру свою спасти.

Вывести дистрофию из ленинградца -
Как аритмию нотами записать.

Война так устала, что становилась фоном,
Сидела в углу, тупо смотрела в пол,
И слушала премьеру седьмой симфонии,
И понимала, что проиграла спор.

Это нормально, что клавиши ночью серы,
Что мосты на четыре октавы разведены.

Бетховен занят, Бетховен слушает сердце -
В тональности до-войны. Во время войны.

Дом умирающих

Когда закат серпом луны зарезан,
И слита кровь в небесные ковши,
Ко мне в палату входит мать Тереза
С ножом для книг и с книгой для души.

Снимает кожу слой за слоем с тела
До места, где действительно болит.
И ртутью растекаются по стенам
Разбитые термометры молитв.

Вокруг неё плебеи и плейбои,
Да ангелов шаги и голоса.
Она моей не понимает боли,
Как древние не знали колеса.

Ползут слова по моему предплечью -
Уже не яд, но всё ещё не йод.
То добрые медсёстры человечьи
Вытравливают байки про неё.

Да все мы здесь, раздетые до пульса
Уверенным движением ножа,
Где каждый стон на грани богохульства,
А каждый крик на грани мятежа.

И длится ночь к неумолимой дате,
И со стены вещают письма,
Что нам иной не будет благодати,
Чем та, которой делится она.

